

Симоненко Е. И.

ФРАЗЕОЛОГИЯ И ПРАГМАТИКА: ПРОБЛЕМЫ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ

Россия, г. Белгород, Белгородский государственный национальный
исследовательский университет
kejtg@mail.ru

Становление фразеологической науки прошло несколько этапов, каждый из которых отражает лингвистические тенденции XX века. Так, преодолевая догматы системно-структурного направления, господствующего в начале XX века, фразеологическая наука постепенно развивает прагматический аспект изучения фразеологических единиц (ФЕ). Внимание учёных всё больше сосредоточено на проблемах формирования и развития личности и общества, что обусловило кардинальные изменения, произошедшие в лингвистике во 2-й половине XX века. На первый план выдвигается лингвистическая прагматика, рассматривающая отношение между языковыми единицами и условиями их употребления в определённом коммуникативно-прагматическом пространстве, в котором взаимодействуют отправитель (адресант) и получатель (адресат) текста. Прагматика, таким образом, отражает функциональный подход к языку, базирующийся на положении о том, что язык, прежде всего, средство общения, поэтому в нём органически сочетаются коммуникативный и познавательный аспекты. Интерес к изучению прагматических свойств ФЕ не угасает и в наше время. Об этом свидетельствуют труды Н. Ф. Алефиренко, Л. Г. Золотых, В. П. Жукова, А. В. Кунина, А. М. Мелерович, В. М. Мокиенко и др. «Действительно, вся жизнь человека, осмысленная в категориях общественного сознания, фиксируется, интерпретируется и обобщается в категориях языкового сознания, которые вербализуются системой лексико-фразеологических средств, единицами прямой, не прямой и косвенно-производной номинации. Такие языковые единицы не только именуют, но и выражают в структуре соответствующего коммуникативного акта целую гамму отношений к именуемому эмотивного, экспрессивного и оценочного характера» (Алефиренко, 2005: 30). Это положение указывает на актуальность исследований прагматического потенциала ФЕ в рамках художественных текстов, в которых на первый план выдвигается стремление автора эмоционально воздействовать на адресата (читателя) с помощью наиболее яркой образно-стилистической конфигурации произведения, чему, собственно, и способствуют фразеоцентрические высказывания. Являясь единицами вторичного знакообозначения, фразеологические единицы способны порождать новые ассоциативно-образные смыслы и создавать яркий прагматический эффект всилу своей экспрессивности. Это в свою очередь позволяет рельефнее выразить авторскую позицию и успешно интерпретировать смысл высказывания в конкретном речевом акте. Однако в условиях дискурсивной ситуации, продуктом которой является фразеоцентрическое высказывание, не всегда «камертоны» дискурсивного сознания общающихся настроены на коммуникативно релевантное восприятие сообщения. В итоге в результате когнитивно-дискурсивных преобразований не всегда достигается речемыслительная гармония. Адресат в зависимости от условий дискурсивной ситуации, в которой происходит вербализация смысловой полифонии фразеологических единиц, ищет адекватный своей целеустановке «путь» обратной связи: определенные семы во фразеологическом значении, эксплицитно и имплицитно выраженные коннотации, образы, ассоциации. Ср.: *«Однажды, когда в библиотеке никого не было, я осмелился заговорить с Таней. Точнее, она, утомленная моими восхищенными взглядами, иронично заметила: – Товарищ воин, глазами нужно есть командиров, а не их жен! – Это смотря по какому уставу! – неожиданно для себя схамил я»* (Поляков, 2008). В данном микроконтексте репрезентирован побудительный речевой акт, который относится к такому побудительному действию, как угроза. Отличительной чертой речевого акта угрозы является стремление «обязать, склонить адресата – предполагаемого исполнителя – к своей точке зрения», а также то, что «адресат-исполнитель изначально не разделяет точки зрения адресанта, занимает нейтральную или противоположную позицию, что предполагает возможность сомнения, неподдержки» (Маслова, 2008: 78). В данной дискурсивной ситуации представлены коммуникативная роль инициатора общения, лидера, «начальника» (*жена командира*) и коммуникативная роль «подчиненного» (*военнослужащего*). Такими коммуникативными отношениями мотивирован выбор коммуникативно релевантной иллокутивной интен-

ции – эмоциональное воздействие на собеседника посредством имплицитно выраженного совета-предостережения **глазами** *нужно есть* командиров, а не их жен. Персонаж выражает свое волеизъявление персонажу-собеседнику и предлагает ему оптимальный с его точки зрения вариант действий. Коммуникативная конструкция **совета** представлена фраземой **есть глазами** кого-либо – ‘пристально смотреть на кого-либо’ и модальной частицей **нужно**, коммуникативная конструкция **предостережения** представлена второй частью высказывания *а не их жен*, подчеркнутой употреблением восклицательного знака и противительным союзом: адресант (персонаж) прогнозирует негативные последствия для адресата (персонажа-собеседника) в случае неисполнения его волеизъявления (пресуппозитивный фон высказывания составляет оппозиция «военнослужащий-командир» и модель ситуации между участниками этой оппозиции – «подчинение военному служащему командиру, невозможность вхождения в личное пространство командира»). Однако ответная реплика фраземовоспринимающего субъекта разрушает данную модель посредством дерзко выраженной интенции несогласия: *Это смотря по какому уставу! – неожиданно для себя схамил я*. Сложившаяся дискурсивная ситуация предопределяет коммуникативное поведение участников коммуникации: есть некая Таня – жена командира, вероятно, молодая женщина (номинация *Таня* предположительно указывает на возраст), которая вызывает симпатию со стороны военному служащего (ср. *утомленная мощи восхищенными взглядами, осмелился заговорить*). Ироничное замечание героини подчеркивает ее статус и тем самым ущемляет чувства влюбленного героя, который *неожиданно для себя* решил схамить в ответ. Поэтому ответ героя предопределяется условиями дискурсивной ситуации неравного общения. Но, кроме того, в данном высказывании выявлена коммуникативная интенция неодобрительной оценки поведения героя: восхищенные взгляды утомляют героиню. Восстанавливается пресуппозитивный фон высказывания – «не полагается военному служащему пристально смотреть на жену командира». Отсюда вытекает прагматическое значение превентива (предостережения) – «иначе могут возникнуть негативные последствия».

Итак, особая роль фразем в организации когнитивно-коммуникативного пространства текста обусловлена особенностями их семантической структуры. Прагматическую силу фразеомоцентрическому высказыванию придает закодированная в семантической структуре фраземы концептуально-значимая информация. Именно эта информация в художественном тексте предстает как коммуникативно-прагматическая доминанта той дискурсивной ситуации, в условиях которой порождается и раскрывается дискурсивно-обусловленный смысл фразем. Дискурсивная ситуация, в когнитивно-прагматических условиях которой порождаются фразеомоцентрические высказывания, формирует содержание ассоциативно-образного концепта, репрезентаторами которого выступают прежде всего фраземы. Однако осуществление речемыслительного акта становится возможным только тогда, когда фразема превращается в коммуникативно значимый знак, эксплицирующий как общенациональные, так и субъективно-интерпретативные концепты. Ср.: « – Великая Китайская стенка? – с упором на слово «стенка» презрительно спросил Колян Ковалев, который, верно, почерпнул еще недостаточно знаний от Пелисье и Афанасьева, с чем и **сел в лужу** тотчас же: – Да ну, сказали тоже! Китайская стенка! У меня один знакомый братан купил себе антикварную мебель французскую, и стенку тоже, и кресла... а потом эта стенка ему на башку упала! Оказалось – китайский левак, бодяженный под старину!» (Краснов, 79). В данном примере автор, согласовывая семантику фраземы **сесть в лужу** – ‘оказаться в глупом положении, потерпеть неудачу’ – и когнитивно-прагматическое содержание дискурсивной ситуации «глупое положение» формирует высказывание в интенционально оптимальной субъективно-интерпретативной форме. Тем самым в данной дискурсивной ситуации эксплицируются смысловые кластеры концептов «Глупость» (демонстрация невежества, отсутствие элементарных знаний у героя: *Да ну, сказали тоже! Китайская стенка! У меня один знакомый братан купил себе антикварную мебель французскую*), «Неудача» (герою не удалось показать свою эрудированность: герой почерпнул недостаточно знаний, поэтому **сел в лужу**), «Презрение» (негативное отношение к китайской продукции: *Оказалось – китайский левак, бодяженный под старину*), «Хвастовство» (стремление показать свою осведомленность в этом вопросе: *Великая Китайская стенка? – с упором на слово «стенка» презрительно спросил Колян Ковалёв. (...) – Да ну, сказали тоже! Китайская стенка!*).

Говоря о прагматической значимости фразем, отметим, что «центральной фигурой вторичного семиозиса выступает языковая личность, текст создается и воспринимается субъектами дискурса» (Алефиренко, 2009: 248), поэтому самой главной целью автора является выбор того образно-стилистического фона произведения, которые доступны читателю для понимания, поскольку «говорящий может только тогда успешно осуществить намеченный речевой акт, когда он уверен, что прагматический контекст удовлетворяет условиям этого речевого акта» (ван Дейк, 1989: 26). Таким образом, репрезентация фразем в художественном тексте мотивирована коммуникативными интенциями автора, предопределяемыми не только обобщённо-образным представлением о дискурсивной ситуации, но и «образом» получателя, т.е. читателя (для внешней коммуникации) или персонажа (для внутренней коммуникации). Ср.: «Предвкушая плотный ужин, я отправился к ближайшему пункту покупки и продажи акций АО ДДД и обнаружил там гигантскую толпу, скандирующую: «Свободу Диме!» (...) Поговорив с людьми, я выяснил некоторые обстоятельства, возникшие в период моих суицидальных исканий и потому мне неведомые. Тем более что мой телевизор тихо угас два месяца назад, а денег на ремонт не было. Газет же я не покупал, экономя **на пельмень насыщенный**» (Поляков, 426). Автор, опираясь на возникший в сознании образ дискурсивной ситуации и собственные коммуникативные интенции, выбирает оптимальную для когнитивно-прагматического содержания данной дискурсивной ситуации структурно-семантическую конфигурацию фраземы – **пельмень насыщенный**. Таким образом, описывая дискурсивную ситуацию «затруднительное положение», автор трансформирует фразему **хлеб насыщенный** – ‘необходимые средства для жизни, для существования’, чтобы подчеркнуть не только затруднительное положение героя, но и указать на способ существования человека в определенную культурно-историческую эпоху. Поэтому, восстанавливая пресуппозитивный фон высказывания, становятся очевидными а) затруднительное положение героя (*экономя на пельмень насыщенный*); б) особенности культурно-исторической эпохи (распространение в XXI в. таких продуктов питания, как полуфабрикаты, среди которых *пельмени* пользуются особой популярностью) в) холостяцкое существование героя (женатый человек, скорее всего, только в исключительных случаях питался бы полуфабрикатами).

Таким образом, ФЕ обеспечивают всему высказыванию, тексту яркий прагматический эффект за счёт своей семантической организации, экспрессивности. Фраземы по своей сути прагматически ориентированы, поскольку их репрезентация в художественном тексте мотивирована «образом» получателя (читателя), направлена на достижение коммуникативного взаимодействия между всеми участниками речевого общения. Прагматическая сила фразем раскрывается в условиях определённой дискурсивной ситуации, в которой превращается в коммуникативно значимый знак, эксплицирующий авторские интенции, общенациональные и субъективно-интерпретативные смыслы.

Литература

- Алефиренко, Н.Ф. «Живое слово: Проблемы функциональной лексикологии / Н.Ф. Алефиренко. – М.: Флинта: Наука, 2009. – 344 с.
- Алефиренко, Н.Ф. Современные проблемы науки о языке. / Н.Ф. Алефиренко. – М.: Флинта: Наука, 2005. – 416 с.
- Дейк ван Т.А. Язык. Познание. Коммуникация / ван Т.А. Дейк. – М.: Прогресс, 1989. – 312 с.
- Маслова, А.Ю. Введение в прагмалингвистику: учеб. пособие / А.Ю. Маслова. – М.: Флинта: Наука, 2008. – 152 с.
- Фразеологический словарь русского языка / Л.А. Войнова, В.П. Жуков, А.И. Молотков. Под ред. А.И. Молоткова. – М.: Русский язык, 1986. – 543 с.

Источники

- Краснов, А. Апокалипсис для шутников: Фантастический роман. – М.: АРМАДА: «Издательство Альфа-книга», 2004. – 390 с.
- Поляков, Ю.М. Россия в откате: Пьесы, публицистика / Ю.М. Поляков. – М.: ООО «Издательство «РОСМЭН-ПРЕСС», 2004. – 478 с.

Summary. In the given article the communicative pragmatic properties of the phraseologies and their function in the literary text are viewed. The capability of the phraseologies to produce bright pragmatic effect and to express the communicative intention of the author is described.